

A surreal illustration of an hourglass. The hourglass is dark and textured, with intricate roots or veins growing from its top and bottom, spreading outwards. Inside the upper bulb of the hourglass is a bright, glowing orange and yellow orb, resembling a sun or moon. A stream of golden-yellow particles, like sand or light, flows from the orb through the narrow neck of the hourglass into the lower bulb. The background is white with some dark, speckled textures.

Н.Н. Шихвердиев

**ПЕСОК из
ЛУННОГО СВЕТА**

Назим Шихвердиев

Песок из лунного света

«Автор»

2026

Шихвердиев Н. Н.

Песок из лунного света / Н. Н. Шихвердиев — «Автор», 2026

Эта книга – смесь научно-мистической фантастики («лунный свет») и реальности («песок»). Главный герой, Вадим, по нелепой случайности попадает в реанимацию, а фактически в другое измерение, где время и пространство изменяются по иным, квантовым законам. Он получает возможность перемещаться свободно и оказывается в самых разных местах и в разные исторические эпохи, где видит и оценивает жизнь иначе. Вернувшись в свое обычное состояние, пытается с помощью своих друзей, книг и размышлений сохранить связь с увиденным ранее миром и найти туда дорогу. Все его окружение (айтишники, медики, художники, священники, таксисты и военные, даже обычные подростки) – реальные люди с реальными же историями, однако их объединяет мистика, встречающаяся на каждом шагу, но часто незаметная или просто отвергаемая. Они стараются больше общаться, и это дает свои плоды в понимании устройства нашего мира.

© Шихвердиев Н. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вадим	5
Макс	7
Реанимация	9
Душа	12
Никита	14
Пескарь	16
Сонное царство	21
Панель	22
Лера	25
Другое измерение	29
Жизнь до и после	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Назим Шихвердиев

Песок из лунного света

Вадим

Почему Вадим? Просто неплохое имя — короткое, звучное и легко произносимое. Итак, Вадим...

Непредвиденная ситуация возникла неожиданно, на то она и непредвиденная. Неразрешимых проблем очень мало, если они вообще есть. Мудрые евреи говорят, если у вас есть проблема, которую можно решить за деньги, это вовсе не проблема, а просто расходы.

Примерно так же мыслил и Вадим, разыскивая мастерскую по ремонту компьютеров. Он поднимался по лестнице в здании дореволюционной постройки в самом центре Петербурга. На четвертом этаже перед ним внезапно возник прикрепленный к одной из дверей запрещающий дорожный знак, на котором в красном круге, перечеркнутом двумя перекрещивающимися линиями, было написано известное русское слово из трех букв. А внизу крупными буквами красовалась надпись: «У нас не матерятся!» Выглядело неожиданно и очень смешно.

За полуоткрытой дверью никого не оказалось. Стояло три заваленных всякими бумагами и полуразобранными планшетами стола. Прямо напротив входной двери на стене висела странная картина в виде улитки или закручивающейся воронки, втягивающей в себя то ли обломки непонятных конструкций, то ли что-то другое с кружком бронзового цвета в самом центре. Его рука непроизвольно потянулась к этой бронзовой кнопке на картине. В этот момент Вадим услышал сзади шаги, но уже успел коснуться кружка-кнопки. Последняя вдруг провалилась внутрь, и его, взрослого мужчину, невероятным образом засосало в узенькую дыру. При этом он ощутил моментальное исчезновение собственной материальной сущности. Длилось все лишь мгновение, но Вадим явственно ощутил свой переход в эфирное состояние и ощущение, которое он мог бы назвать дематериализацией.

Все случилось настолько быстро и неожиданно, что сразу Вадим ничего не понял. Компьютерная мастерская уже исчезла. Он стоял на возвышении, а впереди располагалась огромная панель, в отдельных частях которой происходили самые разные события. Почему-то ему вспомнились диорама обороны Севастополя и панорама Волочаевской битвы в Хабаровском краеведческом музее. Однако, там какие-то реальные предметы, которые можно было потрогать руками, плавно переходили в нарисованные батальные сцены. Здесь же картины были не нарисованными, а происходили буквально вживую. Удивительно, но это не были телевизионные картинки. При взгляде на любую из них та сразу же непонятным образом приближалась и буквально поглощала смотревшего, делая его непосредственным участником событий.

В левой части пространства шла реальная война, где в траве на краю леса передвигались бойцы в камуфляже с бронежилетами. Вадима они явно не видели, и он сделал шаг вперед. Один из них, находившийся неподалеку от Вадима, удивленно взглянул на одетого в джинсы, светлую футболку и легкую куртку человека, но тут кто-то крикнул: "Птичка!". Послышалось неприятное жужжание над головой со стороны поля. Все, в том числе и оказавшийся поблизости боец, моментально бросились на землю. Спустя некоторое время в стороне прогремел взрыв. Ошарашенный Вадим инстинктивно отпрянул назад, и картинка с лесополосой и бойцами отодвинулась вдаль, уменьшившись до размеров большого телеэкрана.

Вадим перевел взгляд и увидел улицу вечернего города, по которой неспешно прогуливались люди. Их было немного, но выглядели они совершенно реально. Ошарашенный Вадим обернулся — сзади была абсолютная темнота или же просто до невозможности черная стена, от которой захотелось сразу же отвернуться.

Он все еще ничего не понимал, но вдруг на одном из участков «панели» перед собой увидел пляж, самого себя в накатывавших на берег волнах и плещущуюся в них свою дочку. Он перевел взгляд на берег и увидел загорающую, лежа в шезлонге, жену. Он узнал и берег, и отель, где они с семьей отдыхали полгода назад.

Радовавшаяся всему дочка сделала тогда с помощью планшета кучу фотографий экзотической природы и огромных океанских волн. Однако сработало подростковое желание иметь свои собственные секреты, и она в конце поездки придумала пароль для входа в ее собственный новенький планшет. Пароль-то придумала, но запомнить не запомнила. Вернее, в суете, сопровождавшей длительный перелет обратно с пересадкой, просто-напросто его забыла. Дома, когда это выяснилось, предела горю не было. Вадим, неискушенный в компьютерных тонкостях, пообещал разобраться с проблемой. Однако все оказалось крайне непросто — взломать планшет не удалось никому. Именно это обстоятельство заставило его отправиться в центр города на поиски мастерской по ремонту компьютерной техники, о которой говорили как о последней инстанции на этом пути.

И вот, что называется, приплыли: мастерская, картина, кнопка, панель, война и даже собственная семья на пляже. Вадим, однако, не рискнул вернуться прямо сейчас на пляж, хотя чувствовал, что может это сделать запросто. Надо просто шагнуть за невидимый барьер.

Он снова стоял перед огромной и страшно интересной панелью. Неожиданно к нему вернулось обычное спокойствие. Захотелось пройти по улице вечернего города, и он решил, почему нет? Усилий делать не пришлось. Его взгляд буквально притянул улицу, и Вадим шагнул на тротуар. Неподалеку оказался ирландский паб.

— Это как раз то, что требуется именно сейчас, — мелькнуло в его голове.

Вадим взглядом притянул картинку, спустился по ступенькам вниз и открыл довольно массивную дверь. Бар оказался полупустым. Он прошел в дальний уголок и присел за небольшой столик с двумя удобными креслами друг напротив друга...

Макс

Макс был компьютерным богом. Так, во всяком случае, считали все его знакомые и друзья. На самом деле никаким богом он, конечно, не был, но в своем айтишном деле разбирался прилично. За это Макса и уважали знающие его люди. Круг общения у Макса был, правда, весьма ограничен. Да и откуда ему было быть широким, если вся жизнь проходила у экрана компьютера в виртуальном пространстве.

Был обычный день. Макс с утра пытался разобраться с «заглючившим» ноутбуком клиента, но дела не ладились. Не сработали и три выпитые чашки кофе. Мозгу они не помогли, но почки подключили на полную. Макс потянулся и решил пойти "проверить санитарное состояние" ватерклозета, как говорил один из его друзей. Отсутствовал он недолго, но подходя к двери своей кандейки, как он любовно-иронично называл мастерскую, обнаружил стоящего за ней мужчину, рассматривавшего висящую у него на стене картину.

В этот момент Макс увидел, как мужчина неожиданно резко дернулся всем телом и рухнул на пол. Он лежал на спине прямо на проходе в кандейку. Что делать в подобных случаях Макс ни сном, ни духом не ведал. Тело мужчины распласталось на полу у его ног. Он не дышал, и Макса объял ужас. Внезапно кто-то оттолкнул его и начал делать лежащему незнакомцу закрытый массаж сердца, резкими толчками надавливая на грудь. При этом человек, склонившийся над стремившимся прорваться на тот свет, не забывал периодически вдвухивать в рот умирающему воздух, одновременно зажимая ему нос. Он явно знал, что делать и, возможно даже был профессионалом в своем деле. Сколько все это длилось, Макс даже не представлял. Ему казалось, что прошла целая вечность, пока лежащий человек не сделал первый самостоятельный вдох.

Реанимировавший его посетитель прекратил свои толчковые упражнения на груди, прощупал пульс на шее пациента и сам облегченно вздохнул и встал. Но не расслабленно, а деловито.

Был он среднего роста, не богатырского, но крепкого сложения. Глядя на растерянного Макса и, видимо, понимая его состояние, ровным голосом распорядился:

— Вызывай "Скорую".

И тем же ровным голосом добавил:

— 03.

Макс моментально очнулся и кинулся к телефону, лежавшему на его столе.

"Скорая" приехала быстро. Все это время реанимированный мужчина продолжал лежать на спине и ровно дышал, но в сознание не приходил. Реаниматор, назвавший себя Михаилом, периодически щупал пульс на его руке и явно контролировал ситуацию. Когда бригада «Скорой» появилась в мастерской, Михаил представился начальником реанимационного отделения Военно-медицинской академии, профессионально изложил обстоятельства и вместе с Максом помог бригаде «Скорой» при транспортировке пациента в машину. Они обменялись со «скорпомощным» доктором телефонами, и машина с пациентом укатила.

Обалдевший от всего увиденного и пережитого Макс проводил спецавтомобиль глазами и поднялся вместе с Михаилом к себе в мастерскую.

Глядя на последнего, как на бога, не нашел ничего более умного как спросить:

— Он будет жить?

И тут же подумал:

— Прямо как в кино.

Михаил пожал плечами:

— Должен, но без гарантии.

Перешли к бытовым проблемам, приведшим Михаила в мастерскую. Они оказались совсем мелкими и Макс разрешил их в момент.

Михаил не был расположен к обсасыванию деталей происшедшего. Он выглядел молодо, но был значительно старше Макса, немногословен и рассудителен и вскоре удалился, оставив Макса переживать заново события этого дня.

Максу же они показались невероятными. Клиническая смерть посетителя (именно так обозначил это состояние реаниматолог Михаил), внезапный ужас, охвативший самого Макса при виде бездыханного тела человека и ощущение своего бессилия и полной безысходности ситуации, чудесное (иначе не назовешь) появление «архангела» Михаила, приезд «Скорой». Слишком много всего. Работать он уже не мог, сидеть в мастерской не видел смысла и потому быстро собрался и вышел на улицу.

Реанимация

А в это время «Скорая» с мигалками и сиреной неслась по городу. Бригада пребывала в хорошем настроении. С одной стороны — реальная клиническая смерть. С другой — пациент жив и даже относительно стабилен. «Относительно» потому, что в любую секунду все может перевернуться с ног на голову. Никто точно не знает, что привело к клинической смерти. Скорее всего — удар электрическим током. Но не факт. Тем более никто не может сказать, насколько пострадал мозг — самая хрупкая структура человеческого организма. Для гибели ему достаточно трех-четырех минут. Тогда наступит реальный кошмар, который не пожелаешь и врагу — человек превратится в растение или, как говорят, в овощ. Сердце будет гонять кровь, легкие — дышать, желудок и кишечник — переваривать пищу, почки — выделять мочу. Другие органы также будут функционировать нормально, но человеком в буквальном смысле он уже не будет.

Однако, выяснят это уже без них реаниматологи больницы, в которую везут пациента. А пока пациент пребывает в медикаментозном сне. Для защиты мозга полагается его перевести именно в такое управляемое врачами состояние.

Спустя какое-то время, лежавший на носилках Вадим все это стал хорошо видеть (видимо, действие введенных врачами наркотиков заканчивалось), но мало что понимал и, честно говоря, его это абсолютно не волновало. Своим телом он не владел.

Он вспомнил о светящейся панели, мысленно повернулся в ее сторону. Она была на месте, и Вадим обратил внимание на картинку, где в темноте южной ночи мерцали на черном небе яркие звезды. Картина моментально поглотила его. Он узнал место, где так внезапно оказался. Это был небольшой, скрытый от глаз пляж-платформа в отеле на Сицилии, где он однажды отдыхал летом с подругой, которая в итоге стала его женой. Огни фонарей бежали вдоль серпантинном спускающейся слева по склону горы дороги и расположенных, видимо, возле нее невидимых строений.

Тогда они сидели под звездным небом и говорили, что эти же звезды мерцали на небе и тысячу, и две и три тысячи лет тому назад. Правда, в те далекие времена не было вокруг ни отелей, ни городов, ни огней. Скорее всего. Но звезды были те же. И теплая ночь тоже. Размышляя об этом сейчас, Вадим заметил, что обстановка вокруг очень быстро изменилась. Был уже просто скалистый берег с пляжем, но без платформы. Затем он почувствовал себя воспарившим над землей и морем. Тела своего Вадим просто не ощущал, но ясность мыслей и четкость восприятия были налицо. И все это не переставало удивлять.

В черноте окружавшей ночи он обратил внимание на мерцающий внизу огонек и устремился туда. Огоньком оказался костер, вокруг которого собралось четверо разного возраста мужчин, вероятнее всего рыбаков, которые жарили на небольшом костерке из хвороста, собранного, скорее всего, поблизости, пойманную ими рыбу. Две рыбацьи лодки были вытасканы на берег. Одеты люди были странно: никаких брюк, шортов, в лучшем случае — простая легкая накидка, переброшенная через плечо и подвязанная на поясе. И говорили они на неизвестном Вадиму языке. Удивительным образом до Вадима доходил смысл их разговоров, хотя он мог бы поклясться, что даже не представляет, что это за язык. Поразительно, но откуда-то извне пришло внутреннее осознание, что он находится в Сицилии времен Архимеда. Никто ему об этом не сказал, но осознание было достаточно четким и не требовало доказательств.

Вадима люди явно не замечали, хотя он находился совсем неподалеку. Да он и сам старался не привлекать внимания, хотя страха никакого не ощущал.

Говорили о не совсем удачной сегодняшней рыбалке и надеялись отчалить с первыми лучами солнца, чтобы получить хороший улов и вернуться домой не с пустыми руками.

Удивительно было и другое. Непостижимым образом Вадим стал обладателем новых знаний. Естественно, что он не выучил никаких наук. Откуда брались эти знания, он сказать не мог, да и не задумывался над этим. Просто он вроде как получил доступ к каталожному ящику библиотеки, мог выбирать книги или видеофильмы и просматривать их с любого места и в любом порядке. При этом самым важным было осознание полной личной безопасности — он знал, что в любой момент может закрыть книгу и отложить ее в сторону или просто выключить не нравящийся ему фильм. Но пока ему все нравилось.

К тому же время как бы перестало существовать. Вернее, оно осталось, но вокруг него оно уже не текло неумолимо в одну сторону, Оно двигалось в разных направлениях, унося Вадима все дальше и дальше к неведомому финалу. Да и финал этот, если он и был, его совершенно не пугал.

Душа

Тем временем «Скорая» благополучно прибыла в приемное отделение больницы, где пребывающего в бессознательном состоянии Вадима приняли (на то оно и «приемное») и переправили уже непосредственно в отделение реанимации.

Удивительные вещи творились вокруг Вадима с того самого момента, когда он потянулся и нажал на злополучный кружок на картине. Мало того, что перед ним светился экран, позволявший ему перемещаться вне времени и пространства. Его воспарившая над телом душа в новом пространстве внезапно обнаружила другую неприкаянную душу, которая никак не хотела покидать реанимационный зал, где лежала телесная оболочка ее хозяина.

Сначала Вадим не обратил никакого внимания на серо-голубое облачко неподалеку и чуть в стороне от койки, где лежало его собственное тело. Слишком много вокруг происходило непонятных и интересных событий. Но в какой-то момент между двумя душами внезапно проскочил импульс, и Вадим внезапно увидел жизнь соседа целиком, всю сразу. За мгновение он получил колоссальный объем информации в целую человеческую жизнь. Он как будто стал совершенно другим человеком, прожившим семь с половиной десятков лет, прошедшим огонь, воду и медные трубы, причем и в прямом, и переносном смысле.

Вадим увидел себя маленьким мальчиком, которому очень хотелось быть сильным и всеми любимым. Однако в семье его замечала только бабушка, да и то постольку-поскольку — семья-то большая, всех надо накормить, одеть, обуть. Жили, хоть и не бедно, но в деревне — опять же большой дом и хозяйство, дел невпроворот. А он очень хотел доказать именно своему отцу, почти не замечавшему сына, что достоин его любви и уважения.

Перебрались в город, где мальчик начал заниматься спортом. Уже в юношах попал в сборную республики. Сначала бегал и прыгал, а потом занялся десятиборьем. Не самый легкий вид спорта. Но он пахал и стал побеждать на турнирах самого разного уровня. Это не сильно помогло в отношениях с отцом, но приносило некие материальные блага, в виде талонов на питание и небольших сумм призовых денег, а главное — закалило его характер. Он стал «бойцом» по жизни. Неудачи его уже не могли сломать.

Победы в спорте сформировали его характер. Он научился добиваться своих целей, чтобы приходить первым. Однако на финишной прямой друзей не бывает, есть только соперники, которых желательно не видеть вообще. Поэтому и жизненным принципом стало — есть мое мнение, и есть неправильное. Дважды женился. Сын от первого брака был классным парнем, компанейским, но слабохарактерным. Взгляды на жизнь у них были разные, но бытовая ситуация повторилась. Мнение сына было изначально «неверным», а требования к нему со стороны отца были завышенными непомерно. Сын, как в свое время и отец, очень хотел нравиться своему отцу, но тот не сделал выводов для себя и не хотел, да и не мог влезть в шкуру собственного ребенка. Свое детство и свои детские проблемы никак не увязывались с проблемами сына. Тот даже пошел в пожарные, но по трагической случайности угорел именно во время пожара.

Второй брак был счастливым в силу практичности и здравомыслия супруги. Она, как лоцман, вела его по курсу, умело направляя неумную энергию мужа в нужное русло. Огонь, вода и медные трубы вошли в его жизнь реально и бесповоротно. Он пошел в пожарные, где прошел весь путь от рядового до пожарного генерала. Из десятиборцев его переманили в пожарно-прикладной спорт. Это было не столь престижно, но давало значительные дивиденды по жизни. Он реально тушил пожары, но не только. Постоянно рос по службе, т. к. жена заставляла учиться, создавая платформу для будущего и помогая при этом в написании курсовых и всяких прочих работ, избавляя от бытовых проблем. Так и доросла до генеральши. Классического систематического образования он не получил, обучаясь, во многом, заочно, но много читал и многим

интересовался. К тому же ему способствовал фарт. Это проявлялось при игре в карты «на интерес» во время многочисленных спортивных сборов. Он легко обыгрывал товарищей по команде, но картежником не стал, заметив, что его фарт позднее оборачивается против него из-за отношения окружающих. Сиюминутная экономическая выгода оборачивалась позже политическими издержками. И он остановился.

Вместе с женой они вырастили замечательных дочку и внуку. Создали уютное и красивое личное пространство. Все шло замечательно до внезапной смерти супруги. Это его не сломало, но надломило. Мощный собственный ангел-хранитель не успевал справляться с возникающими проблемами со здоровьем. И вот результат — после десятка тяжелейших ситуаций, из которых ранее непостижимым образом удавалось выбираться во многом усилиями всей семьи, включая зятя, видимо наступил финал. Он это почувствовал сам. До этого не то, чтобы не чувствовал, но не обращал внимания, нарушая все предписания врачей и действуя по принципу «я так хочу, и мне все можно».

В первый раз обнаружение онкологического заболевания его напугало, но проведенная вовремя операция на кишечнике оказалась достаточно радикальной и не повлияла на качество дальнейшей жизни. И вообще все тогда происходило с элементами не трагедии, а комедии. Зять направил его к своему другу, работавшему главным хирургом онкоцентра. Тот, осмотрев пациента, сказал, что надо сделать какой-то платный анализ. Желательно прямо сейчас. Пациент не был ни жадным, не малоимущим, но по странной прихоти в кармане у него наличных денег практически никогда не было. Носил с собой только самый минимум. Главный хирург рассмеялся и заплатил за него сам, сказав, что зять ему деньги вернет. На следующий день, забирая ответ, пациент деньги вернул сам, но реально не каждый день такое увидишь.

Во второй раз у него обнаружили рак предстательной железы. Вот тут первоначально возникла паника. Он позвонил зятю, который на информацию об обнаружении онкологии отреагировал неожиданно:

— Расслабьтесь. Для решения этого вопроса у нас есть по меньшей мере лет восемь. Вечером поговорим.

И на этот раз гроза прошла стороной. Были еще тяжелейшие травмы, не менее десятка других операций, но всегда удавалось выходить сухим из воды. Помогала семья. Как-то он сказал дочери:

— Не надо ли «поднять волну» по поводу его состояния?

— Да уже поднято целое цунами, просто тебе об этом не говорится.

В тот раз тоже обошлось, хотя потребовались полтора года для того, чтобы снова встать полноценно на ноги. Ангел-хранитель трудился вовсю, а работы для него меньше не становилось.

Все это за одно мгновение уяснил Вадим, однако внезапно соседская душа, как бы исповедовавшись вспорхнула и куда-то исчезла. В палате начались реанимационные мероприятия...

Душа-то улетела, но удивительное моментальное восприятие огромного объема информации, передача ее неведомым путем добило Вадима. Это было невозможно, но это было. И было именно с ним, Вадимом. И это означало абсолютную неограниченность возможностей человека, в т. ч. и его, Вадима, возможностей.

Никита

Нас всех учили, что мир материален, что время и пространство изменить невозможно. Писатели-фантасты, правда, придумывали машину времени и разные способы почти моментального преодоления огромных пространств. Но на то они и писатели, чтобы фантазировать о нереальном. В мире же все остается прежним. Во всяком случае так считал Вадим. И вдруг — такое. Хотя не совсем и вдруг...

У Вадима был друг, работавший хирургом в одной из клиник города. Звали его Никита. Без отчества. На западный манер. Так пожелал сам Никита. Он был старше Вадима лет на двадцать с хвостиком, но общение происходило на равных и очень нравилось обоим своей непринужденностью. В силу особенностей профессии Никита большую часть времени торчал на работе, но в свободное от работы время любил выпить пива и поболтать в компании комфортных для него людей. Пиво он считал демократическим напитком, способствующим коммуникациям внутри человечества, то бишь общению.

Так возникла традиция встречаться по пятницам и трепаться на самые разные темы. Общения с коллегами Никита не избегал, но предпочитал встречаться с людьми, далекими от медицины. Вадим оказался таким образом в приоритете. Он был максимально далек от медицины, но вопросы здоровья и способность вмешиваться в его состояние интересовали его достаточно живо. Никита же рассказывал об этом настолько обыденно и просто, что Вадим слушал его, можно сказать, с открытым ртом.

Оказывается, хирурги — это те же самые обычные люди с двумя (а не четырьмя) руками, двумя ногами и одной головой. Причем, со слов Никиты, у правильного хирурга голова должна находиться впереди, а руки только на втором месте. Правда, «всадники без головы» встречаются и среди хирургической братии. Так, во всяком случае, утверждал Никита.

Да и другие стороны жизни хирургов мало отличались от потребностей людей, никак не связанных с медициной. Для Вадима такой взгляд был необычен, и многие рассказанные Никитой по случаю эпизоды ему запомнились. Один из друзей Никиты работал в отделении неотложной хирургии больницы скорой помощи. Там реально была по его определению «мясорубка». Рук не хватало. Особенно по ночам. Надо было принять больного, осмотреть, разобраться с диагнозом, оформить историю болезни и только после этого кое-кого и прооперировать. Последнее было наиболее интересным для хирургов, но рутина отнимала массу времени и сил. А что такое операция? Это — время. Если хирург «намылся» на операцию, он уже выключен из общей жизни на все время вмешательства. Любая хирургия требует хотя бы минимальной подготовки пациента и бригады и занимает не менее часа времени. Зачастую и больше. Операций за ночь тоже может быть несколько. Хирург, надев стерильные халат и перчатки, уже на может отойти от «станка», чтобы заняться другим пациентом. Вот поэтому ценились бескорыстные помощники из студентов и обучающихся ординаторов.

Человек так устроен, что если у него даже что-то и заболело, то надо немного подождать — пусть само пройдет. Ждут, как правило, до ночи, а потом начинают звонить. Те, у кого есть друзья врачи, звонят им, а большинство, у кого настолько близких друзей-медиков нет, звонят в «Скорую». Вот и начинается дурдом. Днем все было относительно спокойно, а к ночи везут всех подряд.

Поэтому многие хирурги, дежурящие по ночам, с удовольствием привлекают к работе студентов, особенно уже знакомых и хотя бы немного подготовленных ранее. Им доверяют. Иногда даже излишне, но в целом это правильно. Поначалу им дают оформлять истории болезни, потом привлекают в операционную в качестве ассистентов, а самым продвинутым доверяют делать небольшие операции самостоятельно под контролем самого официального

дежуранта. Вот и все реалии. И жизнь у хирургов, хоть и напряженная, но интересная. И на все, как оказывается времени хватает.

Однажды Никита заехал днем к своему другу Виктору в такую скоруюпомощную больницу. До ночи еще было далеко, и они могли спокойно поболтать немного. Зашли в маленькую комнатуху, где в свободное время обитала дежурная смена хирургов. Больница была старая, не отремонтированная, помещений катастрофически не хватало. Виктор пожаловался, что нет у него никакой жизни, и показал содранные локти, указав при этом на матрас, лежащий на полу в углу. Виктор был по темпераменту холерик и даже передвигался по больнице не шагом, а практически бегом. И со смехом добавил:

— А ведь здесь бьется сексуальный пульс клиники. Видишь, как приходится жить? Вообще никакой жизни! — пожаловался он.

Лет через пять они встретились вновь. Старую больницу закрыли и перевели в новое, только что отстроенное здание. Никита пришел к другу. Они сели в новенькой ординаторской и налили по чашечке кофе. На традиционный вопрос Никиты о жизни и делах, Виктор задрал рукава халата, показал гладкие локти и уныло заметил:

— Разве это жизнь?

Такие рассказы для Вадима звучали смешно и совершенно необычно. Но Никите он верил, тот мог что-то приукрасить, однако врать бы не стал.

Никита был неплохим рассказчиком и мог красочно представить людям любой самый серый и невзрачный эпизод из повседневной жизни. Что уж говорить о колоритных личностях, которые, как всем казалось, окружали Никиту со всех сторон. Особенно он любил рассказывать о своих однокашниках. Одним из них был Пескарь.

Пескарь

У кого-то жизнь скучная, у кого-то веселая, а у Пескаря жизнь бесшабашная. Он не может говорить тихо, оставаться незаметным в любой компании. Он очень эмоционален, может даже всплакнуть. Не выдавить скупую мужскую слезу, а буквально разрыдаться от избытка эмоций. Настоящее его имя звучит гордо — Александр, чуть проще — Шура, а совсем по-простому Пескарь. Шуре не нравится занудливое исполнение неких "служебных обязанностей". Он — герой эпизода. А интересных эпизодов в его жизни было хоть отбавляй.

Эпизод первый

Жили-были три студента-медика Пескарь, Спидвей и Малой. Были у них, конечно, и обычные имена, но не все их знали. С Пескарем было все понятно. Настоящая фамилия его была Карасев. Ее просто немного модифицировали. С Малым тоже все относительно ясно. А вот откуда взялся Спидвей непонятно вообще. Какая-то придуманная и быстро забытая всеми цепочка словесных ассоциаций, из которой сохранились два крайних звена — Спидвей и фамилия, даже отдаленно не напоминающая этот вид спорта.

Каким образом эти трое оказались в одной комнате общежития, бог ведает. Но объединяло их многое: все они были примерно одного небольшого роста и везде их видели вместе, так что кто-то метко окрестил их гномиками. Отличалась эта троица характерной для гномов слаженностью действий, особенно во время сессий.

Для начала купили полсотни совершенно одинаковых шариковых ручек, но не круглых, а шестигранных. Перед каждым экзаменом полагалось 3–4 дня на подготовку. Они и готовились. На каждую грань ручки наносился, вернее нацарапывался острой иглой, привязанной к карандашу, текст ответа на вопрос. В билете обычно было три вопроса, поэтому под ответ отводилось две грани авторучки. Текст наносился в четыре строчки на грань, естественно, с максимальными, но понятными сокращениями. Математика простая: три вопроса — шесть граней — одна авторучка. Итого один билет — одна авторучка. На обычном листе формата А4 это соответствовало полутора страницам текста, написанного убористым почерком. Вполне достаточно для ответа. К следующему экзамену все стиралось, грани шлифовались и готовился новый пакет билетов-шпаргалок. Спидвей шлифовал ручки, а двое других «гномиков» нацарапывали новые тексты ответов на вопросы. Был специально пошит пояс-патронташ с кармачиками для ручек. Уговорить девчонок изготовить такую ерунду для Пескаря было плевым делом. Об его ораторских способностях — разговор отдельный.

В те времена везде стояли очереди. Чтобы купить что-нибудь дефицитное (а дефицитом было практически все) или, например, попасть в кино, надо было выстоять длинную очередь. У Пескаря для этого была своя метода. Он подходил к очереди, выбирал кого-то из парней, стоящих не у самой кассы, а чуть подальше, где еще ажиотаж не достигал апогея. Пробиравшись к парню и с невинным лицом просил его взять еще пару билетов. Для тех, кто не соглашался сделать это сразу, был неубиенный аргумент:

— Разве я бы для тебя не сделал этого?

Повторять просьбу не пришлось ни разу. Такова житейская психология, хотя сам Пескарь смеялся и говорил, что скорее всего он всем бы отказывал.

На экзамен заходили с интервалом в несколько человек, чтобы можно было передать пояс с ручками товарищу. Первым обычно шел Пескарь, в середине группы заходил Малой, а в самом конце — специализировавшийся на шлифовке ручек Спидвей. Впрочем, порядок захода практически не сказывался на результате. Да и шпаргалки были лишь вспомогательным

элементом. Учились они и так хорошо, все трое сдавали чаще всего на пятерки. Пескарь свою первую четверку получил аж на пятом курсе из-за непредусмотренного конфликта с экзаменатором. И вообще, двое «гномиков» получили дипломы с отличием, а третий, «шлифовальщик» Спидвей, хоть его и не получил, но впоследствии стал профессором, в отличие от своих друзей, которым нравилась другая, не профессорская, жизнь.

Эпизод второй

Окончание обучения искусству врачевания отмечали в ресторане. По существовавшим в стране правилам всех молодых специалистов отправляли отбывать обязательную трудовую повинность куда-нибудь в провинцию. Поработать «земским доктором», по мнению руководства государства, не мешало никому: побыть поближе к народу, набраться житейского опыта.

Вышли из ресторана, и тут Пескарь вспомнил, что надо оповестить родителей о важных переменах в своей судьбе. Для этого нужна была почта с телеграфом. Как обычно, пьяному Шуру сделать это надо было не просто срочно, а экстренно. Пока сидели в ресторане такой потребности связаться с родителями не было. Теперь же у него засвербило в заднице. Шура увидел на улице припаркованное у входа в «кабак» такси, распахнул дверцу и громко обратился к водителю:

- Шеф, гони к вокзалу.
- Тот обалдело посмотрел на пьяного Шуру.
- Да тут идти-то 5 минут.
- Неважно. Плачу четвертной!

Реально поездка стоила меньше рубля. Таксист, видя пьяного Пескаря и чуя подвох, уперся, что не поедет. Тогда вмешался его друг Поддувало, и они с водилой договорились поехать за 5 рублей, выплаченных сразу.

На почте у окошка для приема телеграмм никого не было. Шура взял бланк и нетвердой рукой начертил:

- Красный в кармане, еду в ж...пу.

Увидев текст, телеграфистка отказалась посылать такое сообщение. Пескарь возмутился, причем так громко и эмоционально, что все повернулись к нему и ждали развязки.

— Отправляйте, как написано, шумел Пескарь, я за все плачу, размахивая четвертным. Ситуацию быстро выправил Поддувало. Он отобрал у Пескаря купюру, взял новый бланк и написал:

- Красный диплом получил, еду в Шумаковку.

Телеграмма была успешно отправлена родителям по обычному тарифу.

Пескарь на этом не успокоился, но орать перестал. Они вышли на улицу и пошли в другой кабак для продолжения праздничных мероприятий. Спектр желаний у Пескаря сменился. Он почему-то решил посетить Русский музей. Но к тому времени «Ночь музеев» еще не была придумана, и, в связи с поздним временем, учреждения культуры уже не работали. И тут Шуру осенило. Рядом с Русским музеем была военная комендатура, где в былые времена сидел за какие-то прегрешения, вроде участия в дуэли с сыном французского посла Барантом, поручик Михаил Лермонтов. Шура не был ни поручиком, ни Лермонтовым, ни даже Михаилом, но решил, что будет несправедливо уехать из великого города, не посетив этого памятного места. И он пошел сдаваться в военную комендатуру.

Ему и на этот раз не подфартило. В комендатуре именно в тот день оказались знакомые ему офицеры из Военно-медицинской академии. Они посмеялись, увидев пьяного Шуру, но дать ему посидеть в камере, где свое наказание отбывал великий поэт, отказались. Нашли ему такси и отправили домой.

В итоге все закончилось в общежитии, где уже плохо стоящий на ногах Пескарь высадил ногой нижнее закрашенное краской окошко в стеклянной двери и, рыдая, упал на грудь уже спящему товарищу, учившемуся на курс ниже. Тот обалдело внимал пьяным переживаниям Пескаря:

— Шесть лет я пахал, как дятел, а меня, несмотря на красный диплом, отправили в ж... пу! И где же в мире справедливость? — рыдая, вопрошал Шура.

Эпизод третий — секс-шоп

Со временем Пескарь, поколесив по стране, перебрался в столицу и устроился в научно-исследовательский институт, занимавшийся проблемами выживания в космосе. Проблем было много. Во-первых, туда надо долететь. Это задача техническая. Во-вторых, там надо выжить. А это уже биологическая проблема. В-третьих, в космосе тоже надо чем-то заниматься. Вот вам и социальный аспект. В общем, непаханое поле проблем. Так Пескарь нашел свое место — и в космосе, и в жизни. Там же успел повзрослеть настолько, что даже слегонца состарился.

Работа была, что называется, не пыльная. Когда-то на заре развития космонавтики все здесь шумело, гудело и вертелось. Сейчас же учреждение сохраняло видимость активной деятельности, реальная же работа переместилась в другие центры. Один из проработавших здесь не менее четверти века сотрудников для иллюстрации эффективности своей деятельности показал своему зашедшему сюда старому приятелю свой рабочий компьютер. Он просто поднял над столом новенький монитор, который не был ни с чем и ни с кем соединен, т. к. мониторы закупили (они стоили относительно недорого), а сами компьютерные блоки — нет. Относительно недавно у них сменилось начальство, что и вызвало описанные перемены. Компетентность главного начальника проявилась при его знакомстве с новым подведомственным подразделением. Войдя в кабинет, он увидел разложенные на одном из столов девять аккуратных стопочек листов бумаги с печатными текстами. Начальник пересчитал стопочки. Хозяин стола на вопрос, что это за бумаги, ответил, что готовит обзорную статью по определенной проблеме. Реакция начальника была мгновенной и крайне негативной:

— Я — ваш начальник, и у меня на столе больше трех стопочек документов не бывает, а у вас — девять!

Слава богу, никто не стал поднимать над столом стоявший на нем декоративный монитор. Шеф все равно бы не понял, но появился бы еще один повод для нагоняя.

Вообще-то всех все устраивало, особенно Пескаря, который ходил на работу с удовольствием, т. к. она давала возможность общаться с самыми разными людьми и излагать им свои постоянно возникающие новые и твердо устоявшиеся старые концепции. Старые подходили для общения с малознакомыми людьми, новые же излагались ближайшему окружению. По мере разрешения проблем и перевода их в разряд не космических, а банально бытовых, жизнь в Институте постепенно затухала, но вокруг Пескаря она кипела всегда.

Однажды к Пескарю смущенно подошла с просьбой молоденькая девочка, работавшая лаборанткой в соседнем отделе. Просьба была весьма деликатного свойства, что и вызвало смущение девушки. Им в отдел для не вполне понятных Пескарю исследований (мало ли что может пригодиться в космосе?) понадобился фаллоимитатор, причем максимально крупного размера. Видимо для большей наглядности. Его требовалось просто-напросто купить. Где они продаются, было не совсем понятно, но начальство решило, что логично их искать в секс-шопе. Девушка-лаборантка была направлена именно туда.

Девушка была застенчивая и, немного подумав, решила обратиться с просьбой сопроводить ее к кому-нибудь из работающих с ней в одной «конторе» мужчин. Ее выбор пал на Пескаря. Не согласится ли уважаемый взрослый коллега сопроводить ее в данный магазин? Купить фаллоимитатор нужно в секс-шопе, но девушке идти туда одной неудобно.

Выслушав просьбу, Пескарь сначала обалдел. Несмотря на свой уже почтительный возраст, он никогда не был в подобных магазинах, но идея понравилась ему своей оригинальностью. Время на работе текло медленно и заунывно, Пескарь большую часть времени скучал, а тут такое интересное предложение. Как уже говорилось, он сам никогда еще не был в секс-шопах, а потому пригласил с собой еще одного мужика в возрасте за пятьдесят.

Нашли координаты нужного места и вскоре оказались у дверей небольшого магазина без бросающейся в глаза рекламы, но с нужной им надписью «Секс-шоп». И вот эта троица входит в специализированный магазин. В довольно большом торговом зале они сразу немножко оторопели от выставленной на витринах продукции. Из ниоткуда возникшая единственная продащица оценивающе смотрит на них и спрашивает, нужно что-то конкретное или они зашли просто так поглазеть?

Оба мужчины еще не отошли от первого впечатления и пока думали, что сказать, вперед вышла пришедшая с ними девушка и очень просто поинтересовалась:

— А что у вас есть новенького?

Пескарь не выдержал и громко заржал. Дальше все пошло как по маслу. С тех пор фраза «А что у вас сегодня есть новенького?» прочно вошла в арсенал Пескаревских «горбушек», и он стал пользоваться этим приемом повсюду. Зайдет куда-нибудь в магазин: «А что у вас есть новенького?» В кафе — тот же вопрос, уж не говоря о визитах к коллегам в соседние отделы.

В общем, эпизодов в жизни Пескаря было много, все не опишешь. Хотя стоило бы, хотя бы потому, что работа, связанная напрямую с космосом, не могла не повлиять на мировоззрение самого Пескаря. Его высказывания и периодические ораторские выплески, конечно, не отличались научностью в традиционном понимании этого термина, но и не подходили под стандартные житейские трафареты. Например, Луна для Пескаря больше была не астрономическим объектом, куда надо проложить маршрут, где надо было продумывать варианты освоения территорий. Его интересовало значение Луны для жизни человека, ее влияние на его биологию и психику. Заниматься серьезными исследованиями в этой области не было стилем Пескаря, но общение с коллегами и собственная интерпретация разных услышанных от них фактов ему нравились.

Однажды при очередных дебатах о Земле, космосе и человеке Пескарь в присущем ему категоричном стиле заявил:

— В нашей жизни самую большую значимость представляют две вещи — луна и песок.

Все удивленно воззрились на Пескаря. Ему это понравилось, и он продолжил.

— Луна — это Космос. Она вообще может быть связующей всех людей инстанцией, через которую идет общение между всем живым на нашей планете. А все остальное — это песок.

Пескарь на минуту умолк, наслаждаясь наступившей тишиной. После паузы Пескарь развил свою мысль.

— Что такое песок? Это — кремний, самый распространенный минерал на Земле, т. е. фактически материальная основа нашего мира. Вот вам прямая связь между живым и неживым. Свяжите все воедино — получите настоящую картину нашего мира.

Сонное царство

Однажды еще до истории со злополучной кнопкой во время пятничных посиделок разговор зашел о снах. И тут Никита крайне удивил Вадима неожиданной новизной взглядов на сон. Впрочем, новизна была только для Вадима. Как оказалось, все это было известно уже в годы учебы Никиты на врача. Учился он хорошо, все давалось легко, но некоторые вещи просто поражали.

Очень много зависит от учителей. В институтах, университетах и академиях они называются преподавателями, ассистентами, доцентами и профессорами, но суть от этого не меняется. Никите на цикле по психиатрии попался молодой, амбициозный, но очень грамотный «препод». Именно он пробудил в нем интерес к деятельности мозга. Правда, жизнь сложилась так, что Никита ушел в далекую от познания высшей нервной деятельности и чисто практическую сферу медицины — хирургию. Но интерес к особенностям функционирования головного мозга не угас насовсем.

Так вот, однажды Никита за кружкой пива поведал друзьям то, что он слышал о снах еще в молодые годы. Эта информация поразила всю компанию. Оказывается, когда мы спим, наш мозг ведет себя неоднозначно. Есть разные фазы сна — «медленный» сон, при котором ослаблено не только тело, но и центральная нервная система. В эту фазу человек полностью расслабляется. Если в это время записать потенциалы его мозга, то они будут представлены невысокими медленными волнами с низкой частотой колебаний. Возможно поэтому его и называли медленным. Он может длиться часа полтора.

Затем наступает фаза быстрого сна. Запись потенциалов мозга в это время аналогична тому, что демонстрирует мозг во время бодрствования. Если осторожно приподнять веки спящего, можно увидеть, что глазные яблоки его вращаются. Именно в это время человеку снятся сны. Во всяком случае, если его разбудить в это время, он сможет рассказать, что видел во сне. Если же человек просыпается в фазу медленного сна, он обычно не помнит никаких сновидений. Их как бы нет. Обе фазы сна в течение ночи чередуются. Просыпаться желательно во время медленного сна. Тогда человек чувствует себя отдохнувшим. Если человек просыпается в фазу быстрого сна, он говорит, что видел сновидения, но часто отдохнувшим себя не чувствует.

В быстром сне человек как бы проигрывает жизненные ситуации заново и "выпускает пар", не давая мозгу "перегреться и взорваться". Если лишить человека "быстрого сна", пробуждая его каждый раз, как только тот начинается, то он просто сойдет с ума так же, как человек, полностью лишенный сна, хотя суммарно реального отдыха достаточно за счет медленной фазы. Фаза "быстрого сна" длится минут 40–45. Затем все повторяется.

Услышанное взбудоражило воображение всей компании, включая Вадима. Когда его что-то интересовало, он сразу же лез в интернет. Раньше шел в библиотеку, даже несмотря на то, что это требовало времени и определенных волевых усилий. Однако, то, что он узнавал, перелистывая книги в поисках нужной ему информации, доставляло ему удовольствие.

Панель

...И вот теперь, сидя за столиком ирландского бара, Вадиму пришла забавная детская мысль, что он попал в «царство быстрых снов». Он оглянулся, поискал глазами знакомую светящуюся панель и неожиданно увидел ее. Она висела на стене, и поначалу Вадим принял ее за плазменный телевизор. Взгляд его стал притягивать панель.

Вдалеке он различил огромное ровное пустое пространство и разбегающийся для взлета истребитель. Не современный, а более полувековой давности. В молодости Вадиму довелось служить срочную службу в авиационном полку. К технике его не тянуло, но, когда видишь самолеты ежедневно, какие-то их типы начинаешь узнавать. Взлетающий самолет был явно из времени, предшествовавшего службе Вадима.

Внезапно картинка с взлетающим истребителем исчезла и сменилась домашней обстановкой квартиры времен годов начала шестидесятых. Он увидел одного из пилотов своего полка. Тот был невысокого роста, крепким и доброжелательным, в общении — простым и доступным, хотя и был единственным в полку «летчиком-снайпером». Это была высшая категория у военных летчиков, или как они сами себя именовали — пилотов. Слово летчик было официальным. Например, была должность "старший летчик", хотя "младшего летчика" не было. Это формально. При неформальном общении, особенно застольном, принято было именоваться пилотами.

Звали увиденного Вадимом молодого пилота Валерий Павлович, прямо как известного героя-летчика Чкалова. Только фамилия была другая — Шабалин. Вадим увидел его таким, каким знать в принципе не мог — совсем молодым лейтенантом, видимо, только недавно прибывшим из училища. Однако черты лица легко узнавались, да и тембр голоса у человека меняется с годами несильно.

Валерий Павлович только что вернулся с ужина. Это было обязательное мероприятие, которое пропускать было просто нельзя. Иначе доктор мог даже не допустить к полетам, а это была практически высшая мера наказания. Все пилоты жили, да и живут небом.

Кормили их в летной столовой замечательно, что было огромным подспорьем в семье в те далекие и трудные послевоенные десятилетия. Семьи могли кормиться по-разному, но пилоты должны были питаться усиленно. Дефицит продуктов, имевшийся повсеместно, военной авиации не касался. Начпрод мог пойти под трибунал, если бы не обеспечил должное качество питания летного состава. Но под трибунал никто не шел. Находили все — и мясо, и рыбу, и обязательные копчености, и шоколад. Сладости многие все же доносили до детей и жен, но все остальное полностью съедалось в столовой. На аппетит из молодых здоровых парней никто не жаловался. Вот и весь сказ.

Войдя в свою маленькую, но отдельную однокомнатную квартирку, Валерий обнял молодую стройную жену Татьяну, приехавшую с ним после свадьбы по окончании училища. Та на кухне уже приготовила творожники и вскипятила чай.

Долго не сидели, под утро Валере надо было лететь военно-транспортным «бортом» в другой гарнизон перегонять новые самолеты. Достаточный по времени сон тоже входил в обязательную программу жизни пилотов. Уследить за этим и проконтролировать со стороны выполнение подобного требования невозможно, но, как и спортсмены в большом спорте, многие пилоты относились к соблюдению режима серьезно. Однако и любовь никто не отменял. Молодая пара бросилась в расстеленную заранее постель, а Вадим перевел взгляд на панель. Непостижимым образом он мог «прокручивать» картинку вперед или назад. Объяснить, как это делается, он не мог, а прокручивать мог. Вадим снова перевел взгляд в сторону и увидел взлетающий транспортный самолет, у которого внезапно глохнет мотор. Самолет падает, взрывается и его охватывает пламя. Ужас охватил Вадима, понимая, что гибель этого молодого

парня неминуема, а любовь и счастье очень скоро превратятся в неизбывное горе. Решение пришло неосознанно, но моментально.

Невероятным усилием воли Вадим вошел в пространство комнаты и передвинул стрелку звонка будильника вперед. Что будет дальше, он знал наперед. Обычно исключительно пунктуальный и дисциплинированный лейтенант Шабалин проспал вылет. Он прибежал к КПП, откуда должен был отходить автобус с летчиками на аэродром с небольшим, но все же опозданием. Быстро добраться до взлетного поля самому в столь ранний час было практически невозможно. Надо было по пустынной дороге, где ходит только спецтранспорт, пробежать три километра. И Валерий побегом в надежде все же успеть на борт. Но буквально через несколько минут услышал шум моторов взлетающего «транспортника» и увидел поднимающийся в небо корпус самолета. Валерий в бессилии что-либо изменить остановился на пустой дороге.

Внезапно шум исчез, куда-то исчез и взлетающий самолет, а затем возникла яркая вспышка и долетели звуки взрыва. Из всех сил Валерий бросился бежать к аэродрому.

В военном гарнизоне любые известия распространяются со скоростью света. Наутро весь городок гудел и пребывал в трауре. Тем ранним утром в авиакатастрофе погибло несколько летчиков гарнизона и весь экипаж военно-транспортного самолета. Если у самолета неполадки возникают на взлете, вероятность спастись у людей на борту приближается к нулю. Описано многое удачных посадок с благополучным исходом. Сажая и на поле, и на дорогу, и на воду. Но на взлете шансов почти нет. Не хватает ни времени, ни высоты. Усугубляют положение и полные баки горючего.

Нарушившего приказ и неявившегося к вылету Валерия Шабалина сочли везунчиком. Даже не наказали. Местные же бабульки упомянули об ангеле-хранителе, хотя Советская власть напрочь отметала подобные версии и разговоры. Так Вадим в первый раз оказался в роли ангела-хранителя. Вспомнились слова из песни Владимира Высоцкого:

"Хранить это дело почетное тоже —
Удачу нести на крыле.
Такими при жизни мы были с Сережей
И в воздухе, и на земле".

Вадим продолжал сидеть в баре. Для него многое, да почти все, оставалось непонятным. Он вроде бы видел все абсолютно реально — живых людей, по большей части знакомых, но не обязательно. Но они его, как правило, не замечали. Пока он не переступал невидимый порог — точно. Но даже войдя в ту, другую действительность, добиться прямого контакта оказалось довольно трудно. Он был совсем рядом, но его не видели, он кричал во весь голос, но его не слышали. Как такое могло быть? Это действительно напоминало сны.

Во сне часто встречаются знакомые и малознакомые люди, возникают странные ситуации, время и пространство смещаются, нарушая все законы бытия. Или не нарушая? Может именно так и должно быть? Эта странная мысль поразила Вадима, как молния.

Он взглянул в сторону, где должна была находиться панель. На ней не было уже никаких самолетов, но картинки, как в калейдоскопе, продолжали сменять друг друга.

Там уже не оказалось и бара, а была сплошная темнота, со светящейся вдали знакомой панелью. Сначала Вадим подумал о том, чтобы вернуться за столик, к которому никто из официантов так и не подошел, но увидел на панели пустынную дорогу, идущую вдоль гор.

Смеркалось. По грунтовой дороге быстро ехали два всадника в черкесах. Они явно торопились, чтобы до темноты добраться до жилья — вдалеке тускло мерцали огоньки. Внезапно со стороны гор появилась другая небольшая группа всадников — человек пять-шесть. Они тоже быстро приближались, и избежать встречи с ними не представлялось возможным. Вадим

почувствовал какую-то угрозу. Видимо, то же почувствовали и двое торопившихся куда-то людей. Вооружены были все, и на всякий случай ружья пара всадников взяла в руки.

Двое спешивших домой были взрослыми мужчинами лет сорока. Они были одеты в черкески из дорогой добротной ткани, выглядели уверенно, спокойно и респектабельно. У них были заряженные ружья с взведенными на всякий случай курками, но встреча на пустой дороге в сумерках с незнакомцами вряд ли их радовала. Подъехавшая группа состояла из молодых парней, явно настроенных на поиски приключений, а, вернее, какой-нибудь добычи.

В горах живет много народностей, говорящих на разных языках и диалектах, но при желании прекрасно понимающих друг друга. Подъехавшие молодые люди сразу окружили двоих и после обмена приветствиями один из них, видимо возглавлявший группу и привыкший вести диалог спросил, куда те направляются. Вопрос был задан с явными нотами агрессивности, но этих двоих не напугал. Один из них спокойным голосом ответил, что едут домой в город, указав рукой вперед.

Вадим хорошо видел его лицо. Кого-то оно ему напоминало, но понять кого, он не мог. Возможно, известного актера из старого кинофильма. В любом случае Вадим не видел в его глазах ни малейших признаков страха. Человек явно знал, как себя вести и чего делать не следует, чтобы не обострять ситуацию до крайности. Оружие было у всех, и не декоративное.

Неожиданно один из подъехавших молодых всадников визгливым голосом потребовал, чтобы им отдали оружие и деньги, которые наверняка есть у встреченных ими мужчин. В обычной жизни этот мальчишка с визгливым голосом был вообще еще никем, но численное превосходство и обстановка сделали его бесстрашным, а вернее безмозглым. Он первый раз поехал со старшими братьями и соседями на такое дело, и серьезно его никто не воспринимал.

По стечению обстоятельств малолетний наездник, которого просто была нервная дрожь, расположился сзади от встреченных ими мужчин. Двое взрослых даже не удосужили его ответом, только презрительно мимолетно взглянув в его сторону. Это, однако, привело малолетнего негодяя в ярость, и он неожиданно для всех выстрелил в спину всадника, стоящего ближе. Так не делает практически никто и никогда. Законы чести существуют везде. Они везде разные, но существуют реально. И подлый выстрел в спину, да еще приведший к кровопролитию нарушал именно эти неписанные законы. Однако Рубикон был перейден. Получивший пулю в спину мужчина моментально вскинул свое ружье и, падая, выстрелом в упор сбил с коня старшего группы юнцов. Второй взрослый мужчина тоже успел выстрелить, но силы были неравны, и несколько выстрелов с разных сторон оборвали и его жизнь. Рана, нанесенная визгливым мальчишкой, оказалась смертельной. В итоге — трое убитых и один раненый.

Вадим, пораженный увиденным, не мог оторвать глаз от светящейся панели. Он видел, как спешившиеся молодые люди безуспешно пытались помочь своему вожаку. Тот был сражен наповал. Визгливый юнец, осознав происшедшее и инстинктивно понимая, чем ему грозит встреча с родственниками убитого брата в селе, бился в истерике. Он уже понял, что смерти своего брата, бывшего гордостью всего их рода, ему, ничтожному визгливому мальчишке, не простят. Однако изменить было уже ничего нельзя. Вадим со стороны молча наблюдал на светящейся панели, как тела убитых и раненого наспех уложили на коней, и вся группа отправилась обратно в сторону гор.

Лера

На следующий день Макс решил найти и узнать судьбу странного реанимированного при нем посетителя. Он слышал название больницы, куда его должна была доставить «Скорая». Найти координаты справочного бюро любого лечебного учреждения для айтишника труда не составляет, но он не знал ни фамилии, ни даже имени этого человека.

Тогда Макс решил действовать нестандартно. Утром, еще до работы, он поехал в больницу и всякими правдами и неправдами разузнал, где находится отделение реанимации. Туда, естественно, никого не пускали, но Макс понимал, что в момент прихода на работу бдительность любых вахтеров и контролеров на проходной снижается из-за большого потока людей. Улучив момент, он проник на территорию больницы. На всякий случай были придуманы различные версии с возвращением отпущенного на ночь домой лежащего в больнице пациента и т. п. Но они негодились.

Разыскав вход в отделение реанимации, он стал дожидаться своего часа, т. е. того времени, когда сменившиеся с ночного дежурства медсестры будут уходить домой. План сработал на сто процентов. Одна из выходящих девушек в ответ на его вопрос о поступившем накануне пациенте отреагировала очень живо:

— Семенов, которого привезли после клинической смерти?

— Да-да, именно — поддакнул Макс, надеясь, что других таких пациентов в этот день быть не могло. Девушка сообщила ему, что к счастью, пациент жив, состояние его расценивалось как стабильно тяжелое, но перспективы окончательно неясны, т. к. было решено его не пробуждать пока врачей-дежурентов не сменят постоянные сотрудники отделения реанимации.

Максу нужен был человек, который смог бы его позже связать с незнакомым ему пациентом. Валерия, так звали дежурившую с ним в первые сутки медсестру, подходила для этого идеально. К тому же она очень симпатично выглядела, а разговаривала просто и доброжелательно. Макс тут же предложил подвезти уставшую девушку до дома. Предложение было с радостью принято, и в машине знакомство продолжилось. Для погрязшего в виртуальной реальности Макса общение с живым человеком, да еще в лице очень приятной девушки, было еще одним ярким впечатлением за последние сутки. Жизнь менялась прямо на глазах, расцветая яркими красками. И она была более привлекательна, чем та, компьютерная, в которой большую часть своей жизни обитал Макс. От живой симпатичной девушки, пусть даже и подуставшей, исходил легкий, но дурманивший мозги аромат духов и женщины. Для Макса это было непривычно, но воспринималось с восхищением.

Договорились встретиться на следующий день на нейтральной территории где-нибудь в центре и посидеть поболтать в кафе. Слава богу, с выбором места для посиделок проблем не было. Макс сам работал в центре и знал несколько уютных кафешек.

Работа у Макса была ненормированная, и он не стал откладывать встречу на вечер. Ему не терпелось пообщаться с Лерой как можно скорее. У нее же вообще был выходной день. Была ранняя осень, и на встречу Лера пришла в длинной черной юбке, голубой блузке и кожаной курточке с укрывавшим шею длинным шарфом из тонкой, но теплой ткани. Наряд ей удивительно подходил.

Приземлились за столиком, заказали легкий перекус и по такому же легкому освежающему коктейлю. Разноцветные напитки в красивых бокалах добавили встрече колорита в буквальном смысле этого слова. Разговор шел обо всем и ни о чем. Максу было интересно все. Лера только что окончила медицинский колледж и второй год работала в отделении реанимации. Не самая легкая работа, но в молодости тяжести переносятся проще, когда попадаешь в хороший коллектив, где тебя поддерживают и ценят. Именно так получилось у Леры.

Макс собирался поговорить в основном о Вадиме, но, слушая Леру, на время просто забыл обо всем. Мир, в котором существовала она, кардинально отличался от его собственного. Несмотря на то, что она работала с пациентами, находившимися на грани жизни и смерти, он был намного более живой, чем мир Макса. В нем постоянно что-то происходило, люди боролись со смертью и чаще всего побеждали. Девушка явно была увлечена своей работой и рассказывала о ней очень эмоционально. О доме говорила мало, но очень спокойно и уважительно по отношению к своим родителям, с которыми и жила.

По ходу разговора Макс понял, что Лера знает об интересующем его человеке крайне мало — фамилию, имя, отчество, возраст и некоторые обстоятельства его попадания в реанимацию. Но Макса это не смутило. Он был безусловно рад общению с красивой и интересной девушкой.

Время пролетело незаметно. Торопиться никуда не требовалось, и они пошли прогуляться. Еще довольно теплая, а главное безветренная погода, к этому располагала. Про Вадима Макс все же не забыл и договорился с Лерой, что в свое следующее дежурство она узнает, куда его перевели (обычно в реанимации люди не задерживаются) и проводит к нему.

Лера в этот раз отказалась ехать домой на такси, и Макс проводил ее до самого подъезда. Ехали на перекладных до самого края города. Впрочем, Макс запомнил ее адрес еще с первого знакомства. Ощущение от встречи осталось очень теплым.

Через сутки Макс, предварительно созвонившись с Лерой, приехал в больницу. Лера, выйдя к нему в коридор у входа в отделение реанимации, огорошила Макса тем, что пациент Семенов все еще не проснулся и находится в реанимации. Макс даже растерялся. Прошло уже более трех суток, а человек еще не пришел в себя.

Лера толком не смогла ничего объяснить, но пообещала детали узнать у заведующего отделением. Она только сообщила, что внешне пациент выглядит совершенно нормально, все органы работают хорошо: сердце бьется без перебоев, пульс хороший, давление стабильное, легкие, почки и даже кишечник функционируют совершенно нормально. Однако сознание полностью отсутствует, и в контакт пациент не вступает. Все препараты, введенные для перевода в «медикаментозный сон», давно уже не действуют, а новые просто не вводят, чтобы пробудить пациента. Лера иногда пользовалась своими специфическими терминами, но они были вполне понятны даже такому далекому от медицины человеку как Макс.

Он ушел из больницы в полной растерянности, но договорился с Лерой, что встретит ее поздно вечером после работы и проводит домой. Девушка не возражала. На том и расстались.

Целый день Макс промыкался на работе, но голова была забита совершенно другими мыслями. Все валилось из рук. Мысли, по большей части, были черные. Ему не хотелось верить в то, что Семенов Вадим вдруг вот так просто уйдет из жизни. Макс еще никогда так близко не подходил к невидимой границе между жизнью и смертью. И она его пугала.

За час до окончания смены Леры Макс уже ждал ее на улице у ворот больницы. Время тянулось крайне медленно. Но вот наконец из дверей проходной выпорхнула легкая фигурка Леры. Увидев невдалеке Макса, она махнула ему рукой. Они пошли к метро, обмениваясь ничего не значащими фразами, но обоих интересовала одна тема. И они тут же перешли к ней. Лера переговорила с заведующим отделением, но это мало что прояснило. Тот сам ничего не понимал. В его более чем двадцатилетней профессиональной жизни такого еще не случилось. Он не пребывал в растерянности, потому что был прагматиком и видел, что в настоящий момент реальной угрозы жизни пациента нет.

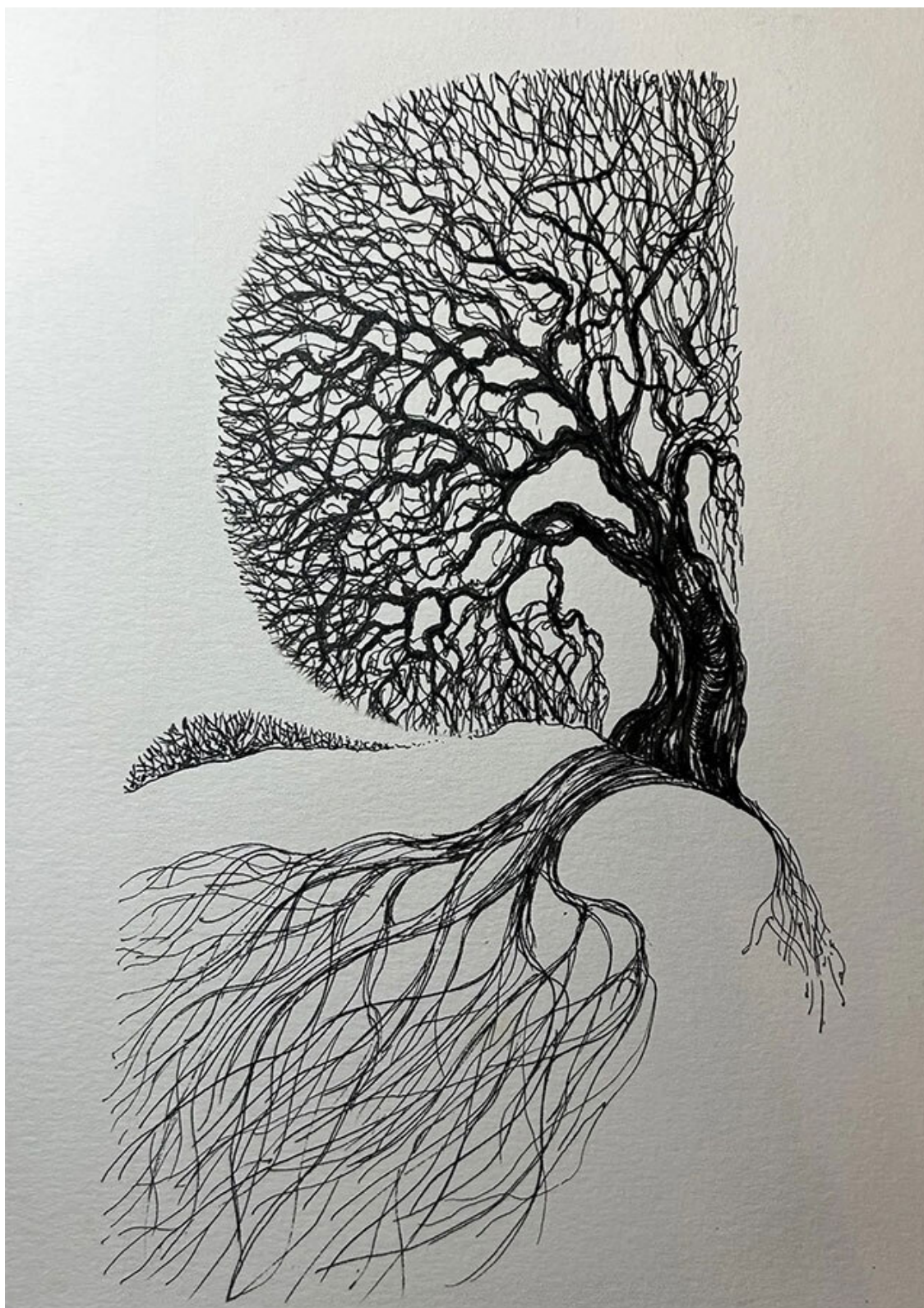
Успокаивало заведующего в первую очередь то, что признаков гибели мозга у пациента после проведенных исследований тоже не было. Мозг Вадима Семенова был жив, что подтверждалось отсутствием его повреждения и нормальной электрической активностью, но никак не хотел включаться в обычный режим руководства всей жизнедеятельностью организма. Точнее,

управление функциями организма он осуществлял весьма эффективно, но включить сознание ему не удавалось. Или не хотелось.

Заведующий выбрал единственно правильное решение — ждать. По его мнению, задача медиков сводилась к уходу за пациентом, контролю всех функций и их коррекции при необходимости. По счастью, такой необходимости не возникало. Внешне казалось, что пациент просто спит. У него сохранялись все рефлексы, движения в руках и ногах, но пробудить не получалось. Ну и пусть себе спит, решил реаниматолог. Вадим Семенов дышал ровно, с нормальной частотой без использования кислорода и полностью походил на мирно спящего человека. Однако он продолжал находиться в отделении реанимации.

Реанимационный зал представлял собой очень большую комнату, в которой по периферии стояли восемь специальных коек, оборудованных по самым современным стандартам. У каждой такой койки находился дыхательный аппарат с монитором, на котором в режиме «on line» высвечивались все данные о работе сердца, легких, температуре тела и пр. Постоянно тянулись через экран зеленые линии графиков работы сердца и высвечивались параметры дыхания. Все это еще и пикало, мигало, в общем жило своей жизнью. Вернее, жизнью пациента. Любой сбой сопровождался сигналом тревоги.

Мирно «спящему» Вадиму это нисколько не мешало. Ввиду сохраняющейся стабильности состояния его койку перекатали в уголок зала. Сам же он в это время пребывал совсем в иных местах.

Другое измерение

Вадиму было хорошо. В жизни так бывает редко. Даже если ты находишься в зоне физического комфорта, сытый, но не объевшийся, отдохнувший, но не заспанный, в хорошем мышечном тонусе, но не уставший, то, чаще всего откуда-нибудь из глубин сознания начинает свербить мысль, что надо еще куда-то успеть, что-то еще сделать. Ты эту мысль отгоняешь, но она постоянно возвращается и, в конце концов, заполняет тебя и заставляет перейти к решению бесконечных повседневных проблем.

Сейчас Вадим никакой тревоги и даже малейшего беспокойства не ощущал. Ему было просто хорошо и выходить из этого состояния не хотелось. Он и не выходил. Он видел самых разных людей, моментально перемещался в некоем пространстве и времени, наблюдая за всем, что его окружало в данный конкретный момент времени со стороны. Это было интересно и очень позитивно, с чувством какой-то легкой радости, что все в мире замечательно.

Он чувствовал себя то бабочкой, порхающей с цветка на цветок и пьющей сладкий восхитительный нектар этих цветов, то качающимся на волнах в теплом море пловцом, не боящимся утонуть, несмотря на огромные размеры волн. Он взлетал на гребень, а потом стремительно падал вниз. И это приводило Вадима в восторг.

К нему подходили незнакомые люди в белых одеждах и ласково разговаривали, давали советы, успокаивали, хотя Вадим вовсе и не тревожился. Он мало что понимал, но выходить из этого состояния радостного блаженства ему не хотелось. Подходившие к нему люди тоже выглядели спокойно и уверенно и не стремились нарушить покой самого Вадима.

Он побывал в необычных пространствах, плавно перемещался по неведомым воздушным (а может и безвоздушным?) коридорам, видел страшные катаклизмы с гибелью целых континентов, но это никогда не сопровождалось чувством страха. Его просто не было. Можно сказать, что Вадим ощутил понятие вечности. И это было вечное спокойствие, сменившее вечное беспокойство, сопровождавшее его всю жизнь до этого.

Однажды его дух устремился куда-то ввысь и оказался на покрытой толстым слоем снега и льда вершине горы. Никакого холода он не ощущал. Его взгляд привлек пронесшийся по небу огромный огненный шар. Спустя мгновение на горизонте возникло зарево и поднявшееся с земли огромное грибовидное облако стало полностью закрывать небо. От возникшей страшной силы ударной волны где-то внизу начался сход лавин и камнепадов, буквально выбривавших склоны гор длинными языками. Но Вадима это не затронуло никак. Он не ощутил даже дуновения ветра, хотя вокруг рушились скалы и бушевала стихия. Его дух был уже совершенно в другом месте.

Жизнь до и после

Вадим провел в отделении реанимации больше недели. У заведующего отделением все это не укладывалось в голове, но тревоги не вызывало. Персонал привык к пациенту, который не требовал героических усилий по спасению жизни, он просто мирно спал на реанимационной койке уже больше недели. Но все имеет свой конец. Однажды заведующий ушел на общепольничную конференцию по итогам работы за неделю. Утром он нашел Семенова, что называется в той же поре, т. е. не откликающегося ни на какие внешние воздействия. Вернувшись же с конференции, он увидел его лежащим на той же койке и читающим газету. Со слов персонала, Семенов проснулся так, как будто с ним ничего не было. Удивился больничной обстановке. Подошедшая к нему симпатичная стройная медсестра доброжелательно сказала только, что он упал в обморок и его привезли в больницу. Остальное расскажет заведующий. Вадим спокойно кивнул и спросил, нет ли у них свежей газеты. Зачем ему понадобилась именно газета, было неясно, но факт остается фактом. Газета удивительным образом нашлась.

Заведующий очень осторожно осведомился о самочувствии пациента. Тот с удивлением выслушал вопросы, но, понимая, что он все же в больнице, вел себя очень спокойно и сообщил, что чувствует себя вполне здоровым и готов хоть сейчас покинуть больничные стены.

Лера в этот день дежурила и все происходило у нее на глазах. Со стороны она наблюдала за общением пациента с заведующим. Последним было принято решение перевести пациента в общее отделение. Необходимости в пребывании его в реанимации уже не было никакой. Его и перевели в неврологическое отделение, куда его вызвалась сопроводить Лера. Она отвезла его на сидячей каталке и по дороге они перекинулись несколькими фразами. Так, ни о чем. Вадим поинтересовался, как он себя вел, шутил, не приставал ли к кому-нибудь во сне, не обидел ли кого?

Он пребывал в ясном сознании, но был в большом недоумении. Казалось, что он все еще прокручивает в своем мозгу какие-то непонятные картины и пытается что-то для себя уяснить. Впрочем, все так и было. Помнить Вадим почти ничего не помнил, но ему было просто хорошо, он не чувствовал никакой тревоги и повода для беспокойства не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.